

— Бабушка просто строга на словах, а сердцем мягка, не переживай, — сказал Лу Чэньби, вынимая из волос шпильку и вздыхая. — Сегодня не стоило выходить. Столкнулись с таким — на душе теперь тяжело.

Се Сун проговорил:

— Те двое детей, кажется, даже держались за руки.

— Вот так, один за другим гибнут. Через несколько дней, глядишь, всех детей и найдут. Только вот сколько из них живых останется? — Лу Чэньби усмехнулся беззвучно, затем добавил:

— И кто ж это такой смелый, что тела просто так, где попало, бросает?

— А у пропавших детей есть что-то общее? — спросил Се Сун.

Лу Чэньби ответил:

— Уже велел проверить. На улицах последние дни беспокойно, я и рад не высовываться. Чтобы опять такого не наткнуться — жуть одна, да и счастья не прибавляет.

— Посмотрим. Завтра, поди, всю столицу перевернут вверх дном в поисках. Вот только неизвестно, тела тех двоих детей, что мы нашли, — это нам специально подбросили или просто так совпало. — Лу Чэньби помолчал. — Распорядись, чтобы в усадьбе все в ближайшие дни по возможности из дому не выходили.

На следующий день Лу Чэньби только-только проснулся, спустился с постели, чтобы налить себе чаю, как услышал стук в дверь. Он осторожно поставил чашку, вернулся в постель и тогда уже спросил:

— Кто там?

— Хозяин, министр прибыл, — доложил человек в зелёном за дверью.

Лу Чэньби приподнялся, нахмурился, немного подумал и наконец сказал:

— Прощу господина министра подождать в моём кабинете.

Хоу И стоял в кабинете Лу Чэньби и разглядывал висевшую на стене картину с красными сливами. Услышав скрип двери, он обернулся и, увидев, как Лу Чэньби в инвалидной коляске ввозят в комнату, улыбнулся:

— В кабинете у хозяина ничего не переставляли.

— Здесь я бываю нечасто, вот и перемен нет, — равнодушно ответил Лу Чэньби.

Хоу И усмехнулся:

— Всё точно так же, как в первый мой приход. И вот уже столько лет пролетело.

— Времена изменились. Впредь буду полагаться на вашу поддержку, господин министр, — сказал Лу Чэньби.

Обменявшись парой любезностей, Хоу И наконец перешёл к делу:

— У тех двоих детей спустили кровь, но, судя по всему, они были без сознания — следов борьбы нет.

Лу Чэньби нахмурился:

— А что с той девушкой, что была с Фу Жуюем?

— Смертельная рана тоже на шее, крови вытекло много, но, похоже, её резали, когда она была в сознании. На теле есть и другие порезы — у тех детей такого не было.

Хоу И сделал паузу, затем продолжил:

— Однако на месте происшествия много крови не было. Когда обнаружили Фу Жуюя, на нём, на лице и на постели кровь была, но больше для виду, страшно смотрится, а на самом деле её немного.

— То есть остальная кровь куда-то делась. И кровь тех детей тоже, — заключил Лу Чэньби.

Хоу И кивнул:

— Твои люди что-нибудь выяснили?

— Пока никаких зацепок. Всё произошло внезапно, но, судя по всему, готовилось давно. Тот, кто стоит за этим, не даст себя найти просто так. — С этими словами Лу Чэньби достал из рукава карту столицы.

— Ты сам говорил: стража у ворот не видела повозок, выезжавших из города. В последние дни охрану усилили. На таком опасном повороте они уж точно не рискнут вывезить что-либо. Значит, всё ещё в городе. — Лу Чэньби развернул карту, взял кисть и обвёл два круга: один — вокруг питейного заведения, где случилось происшествие с Фу Жуюем, другой — вокруг места, где прошлой ночью нашли тела детей.

Один — на востоке, другой — на западе. Он провёл кистью линию, соединив две точки:

— Если это дело с подбрасыванием тел, они действовали бы осторожно. Детские тела — цель заметная. Если они не ушли далеко, то должны находиться где-то здесь, посередине.

Хоу И, нахмурившись, взглянул на карту и сказал:

— С сегодняшней ночи в городе начнут патрулировать солдаты. Вчера император, узнав, что нашли новые тела, прямо приказал: всех подозрительных — немедленно схватить, укрывателям не потакать.

— А Фу Жуй? — спросил Лу Чэньби.

Хоу И ответил:

— Пока в тюрьме. Полагаю, через несколько дней, когда выяснится, что он ни при чём, его выпустят. Просто не пойму, зачем на него покушаться.

— Может, просто не повезло, — сказал Лу Чэньби.

Ночью снова пошёл снег. Ветер кружил снежинки, а в глубинах дворца стояла мёртвая тишина. В покоях ещё горели свечи. Их свет играл на нефритовых шпильках и драгоценных

камнях в волосах наложницы, отбрасывая мерцающие блики на стены. Прислугу она уже отослала отдыхать.

Императрица любила тишину и не жаловала, когда во время сна рядом находились люди. Это знал весь задний дворец.

Она сидела за столиком у кровати. Чай перед ней давно остыл. Неизвестно, сколько времени она просидела так, вслушиваясь в отчётливый в тишине звук падающего снега. Фу Цюн вздохнула и уже собралась прекратить это томительное ожидание, как вдруг услышала два лёгких стука в дверь.

— Кто там? — спросила Фу Цюн.

Снаружи не ответили, но на оконной бумаге промелькнула тень, и дверь отворилась. Увидев вошедшего, Фу Цюн сначала остолбенела, а потом улыбнулась.

— Я уже думала, ты сегодня не придёшь, — тихо проговорила она.

Вошедший был в белом, лицо скрывала повязка. Его голос прозвучал низко и слегка хриловато:

— Я обещал тебе в послании, что приду. Раз обещал — приду. Просто сегодня в пути задержался, вот и опоздал.

Фу Цюн кивнула:

— Ничего. Придворных я всех отослала отдыхать.

Она давно не видела этого человека и с головы до ног оглядела его. Взгляд её упал на меч у его пояса. — Когда ты обзавёлся мечом? — спросила она.

Фу Цюн дарила ему немало превосходных клинков, но он никогда не принимал подношений. Раньше при нём видели лишь пару клинков Эмэй. И вот теперь на поясе внезапно висит меч. Сердце её ёкнуло, и вопрос сорвался сам собой.

Человек в белом снял меч и положил его на стол. При свечах длинный клинок смотрелся особенно просто: ни на лезвии, ни на рукояти не было никаких узоров или инкрустаций, даже традиционной кисточки не имелось.

— Меч этот зовётся «Длинный Вой». Приобрёл я его случайно... да не совсем случайно. Вернее будет сказать — он вернулся к законному хозяину. — Произнеся это, человек в белом взглянул на Фу Цюн:

— Я знаю, что твоего брата посадили в тюрьму.

При этих словах лицо Фу Цюн исказила горькая усмешка:

— Всё твердила ему: не выставляйся напоказ. Он никогда не слушался. А теперь вот такое... Император в ярости. Если я стану заступаться — только масла в огонь подолью. Если не стану — так и буду смотреть, как он...

Человек в белом смотрел на неё и спокойно сказал:

— Я разберусь с этим делом. Если твой брат невиновен, никто не посмеет оклеветать его и

потребовать его жизни.

С этими словами он поднялся и снова пристегнул меч к поясу. Фу Цюн тут же воскликнула:

— Ты уже уходишь?

Человек в белом кивнул. Фу Цюн продолжила:

— Почему, даже после стольких лет разлуки, ты не хочешь снять повязку и дать мне взглянуть на тебя? — Она смотрела на его спину и медленно проговорила:

— Может, ты ранен?.. Если ранен, у меня есть...

— Я не ранен, — резко прервал он её. Повернулся и посмотрел прямо на неё:

— Я не ранен, не тревожься.

Фу Цюн, глядя в его глаза, протянула руку, дотронулась до его щеки и сняла повязку. Увидев лицо, она вдруг улыбнулась, и две слезы скатились по её щекам.

— Хань Чжоу... Три года прошло, а ты ни капли не изменился.

Хань Чжоу поднял руку, чтобы стереть слёзы с её лица, но замер в воздухе, отступил на шаг и снова натянул повязку.

— Уже поздно, тебе пора отдыхать. О брате не беспокойся.

Фу Цюн смотрела, как он уходит, и стояла в дверном проёме, не двигаясь. Лишь когда в светильнике с треском лопнул нагар, она очнулась и закрыла дверь.

Последние две ночи Лу Чэньби спал плохо. Ему снилось, будто он снова лежит с завязанными глазами на холодном каменном ложе, а в ушах стоят плач и крики других детей. Неизвестный ужас окутывал его со всех сторон.

И он ничего не мог поделать, только бесконечно звал отца, мать и сестру Шуан. Во сне колени его нещадно болели, и он не чувствовал ничего, кроме этой боли. Долгая, изматывающая пытка преследовала его без конца.

Се Сун сидел за столом и читал, как вдруг услышал с кровати плач и крики Лу Чэньби. Он вздрогнул, подошёл к ложу, стал слегка похлопывать того по щеке, звать по имени.

<http://bllate.org/book/15939/1424989>